

**МОРГАЧЕВ
СЕРГЕЙ
ВАСИЛЬЕВИЧ**

Редактор рубрики, журнал
«Юнгианский анализ».
Москва, Россия.

E-mail: baikal.s@mail.ru

УДК 159.955.2

О СМЫСЛЕ БУКВЫ И СМЫСЛОГЕНЕЗЕ

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые вопросы теорий сознания, мышления и психолингвистики: 1) вопрос об элементарных единицах мышления и речи, 2) о принципе их соединения в процессе смыслогенеза и 3) о существовании общего принципа смыслопорождения на любом уровне мышления. Эти вопросы ставятся в историческом контексте – с учетом лингвистических учений Востока: иудаизма, индуизма, ислама, религии бон. Автор присоединяется к этой традиции, видевшей в основе мышления невербальные смыслы букв. При этом, он ссылается: 1) на авторитет древних грамматистов и 2) на исследования в рамках советской школы психолингвистики (работы Александра Журавлева). Далее, автор ставит задачу поиска общего принципа смыслогенеза, который включал бы, в качестве своей основы, идею существования невербальных смыслов. Этот принцип он обнаруживает в классических работах математиков Жака Адамара и Анри Пуанкаре по научному мышлению. Основная логическая посылка дальнейшего хода исследования состоит в том, что процесс складывания смысла слова из смыслов букв проходит так же, как и латентный процесс решения научной задачи, поскольку относится к тому же классу – классу взаимодействия невербальных элементов сознания. Далее, автор логически исследует процесс формирования смысла в предложении и высказывании и приходит к выводу, что процесс смыслопорождения на всех уровнях мышления и речи единообразен и подчиняется принципу редукции смыслового поля в процессе соединения смысловых единиц на основе общих субэлементов.

Ключевые слова: восточные лингвистические учения, теория сознания, когнитивные науки, психолингвистика, мышление, смыслогенез, язык, речь, буква, письменность.

Sergey V. Morgachev

Journal "Jungian Analysis"

E-mail: baikal.s@mail.ru

ON THE MEANING OF THE LETTER AND SEMANTOGENESIS

Abstract. The article deals with the key issues of the theories of consciousness, ideation and psycholinguistics: 1) the issue of elementary units of ideation and speech, 2) the principle of their conjunction in the process of semantogenesis, and 3) the existence of a general principle of sense generation at any level of ideation. These issues are considered in a historical context, with regard for the linguistic teachings of the East: Judaism, Hinduism, Islam, Bon po religion. The author joins this tradition which deems non-verbal meanings of letters as the core of thinking. In these terms, the author refers to 1) the authority of ancient grammarians and 2) the research corpus of the Soviet school of psycholinguistics (particularly, the works by Alexander Zhuravlev). Further, the author sets the task of finding the general principle of semantogenesis which would include, as its basis, the idea of the existence of non-verbal meanings. He finds this principle in the classical works on scientific thinking by mathematicians Jacques Hadamard and Henri Poincaré. The main logical premise of the further research pattern is based on the assumption that the word meaning formation process, being grounded on the meanings of letters, is the same as the latent process of solving a scientific problem since it belongs to the same class – the interaction of non-verbal elements of consciousness. Further, the author logically investigates the process of sense formation in a sentence and an utterance and concludes that the sense generation process at all levels of ideation and speech is consistent, following the principle of semantic field reduction in the process of conjunction of semantic units based on common sub-elements.

Keywords: Oriental linguistic doctrines, theory of consciousness, cognitive sciences, psycholinguistics, ideation, semantogenesis, language, speech, letter, script.

DOI: 10.47850/2410-0935-2024-19-236-248

© С. В. Моргачев 2024

Введение

Вопрос о наличии у буквы (в любом ее аспекте – как фонемы, графемы, мысленного представления) смысла так же стар, как человеческая мысль об устройстве мира. Он тысячелетиями служил темой рефлексии в лингвистической философии ислама, индуизма, иудаизма, тибетского бона – и был решен положительно [см, например: Бурмистров 2013: 137–138; Иванов 2014: 132–138; Исаева 1996: 7–13, 43–74; Корбен 2013: 135–137, 147–150; Норбу 2013: 163–182]. В каждой из этих традиций существует целый корпус лингвистических трудов, принадлежавших лучшим умам своего времени. В наше время это наследие составляет предмет интереса в основном востоковедения и истории религии. В лингвистике, и даже в психолингвистике и фоносемантике, оно, по существу, игнорируется как «лежащее вне науки» и, в лучшем случае, упоминается как «мифопоэтическое» творчество [Шляхова 2003: 36–37].

Между тем оно отнюдь не было мифопоэтическим, уже в силу того, что основным аргументом древних и средневековых грамматистов служила отсылка к собственному непосредственному опыту переживания смыслов языковых конструкций, начиная с отдельно взятой буквы.

Приведу здесь фрагмент из работы, посвященной творчеству суфийского богослова Аль-Хакима Ат-Тирмизи; это описание его взглядов могло бы быть отнесено и ко всей исламской лингвистической философии:

«Мистик, в процессе созерцания, <...> сосредоточивается на выявлении значений, сокрытых в самых малых единицах языка. Звуки и буквы, элементарные составные части слов, <...> выступают для него носителями значений <...>. Каждая буква отсылает к смысловому слою, или «свету», простирающемуся за ее физическим или ментальным воплощением. Когда «значения» всех составных частей, образующих слово / имя (слово здесь понимается как имя вещи. – С. М.), суммируются (выделено мной – С. М.), возникает действительный смысл слова / имени, а также [открывается] истинное знание о вещи, которая поименована» [Svirī 2002: 213]

Упомянутый здесь принцип суммирования смыслов языковых структур, начиная с отдельных букв, лежит, по сути, в основе всей древневосточной лингвистической философии.

Более того, эта философия ставила вопрос и о смыслах, существующих на уровне глубже буквы. Индолог Наталия Исаева указывает, что, по учению Бхартрихари¹, есть три ипостаси речи: «видящая», «срединная» и «проявленная». «Проявленная» речь соответствует речи в обычном смысле, а «срединная» «создается идеальными звуками; это своего рода “первозвуки”» [Исаева 1996: 54]. Упомянутые первозвуки, исходя из контекста учения Бхартрихари, следует понимать как элементы буквы. Что касается «видящей» речи, то имеется в виду исток как мышления, так и бытия вообще; но этот, еще более фундаментальный, вопрос мы оставим за горизонтом нашего исследования.

Во времена древних грамматистов понятия психолингвистического эксперимента не существовало. Считалось самым собой разумеющимся, что, если

¹ Бхартрихари (570 – ок. 651 гг.) – индийский поэт, лингвист и философ.

ученый, учитель, философ что-то сказал – значит, это открылось ему в его опыте, который заведомо выше ординарного, профанного, и это следует принять. Мы живем в другую эпоху, и для нас отсылка к индивидуальному опыту познания недостаточна, нам нужны другие доказательства.

Вопросами соотношения фонем с определенными смыслами занимается фоносемантика, как часть психолингвистики. Еще в 70-х годах прошлого века советский психолингвист Александр Журавлев провел успешные эксперименты, нацеленные на установление самого факта семантической окраски фонем и графем в сознании испытуемых и первичное описание этой окраски. Его книга «Фонетическое значение» была издана Ленинградским университетом [Журавлев 1974]. Позже была опубликована более популярная версия этой работы [Журавлев 1991].

В экспериментах Журавлева значение звуков русского языка оценивалось испытуемыми (в основном студентами-филологами, для которых русский язык являлся родным) по 25 признаковым шкалам (например, «хороший – плохой», «большой – маленький», «женственный – мужественный», «радостный – печальный», «гладкий – шероховатый», «величественный – низменный», «красивый – отталкивающий» и т. д.). Каждая признаковая шкала состояла из оценок от 1 до 5; в рамках этой шкалы оценка 3 соответствовала «никакой», нейтральной оценке. Ведущий эксперимента одновременно произносил звук и показывал соответствующую ему букву, создавая, в формулировке Журавлева, «звукобуквенный психический образ». Группы испытуемых состояли из 50 человек; в некоторых случаях эксперименты повторялись с несколькими группами, но это не приводило к существенному изменению результата. В итоге возникла матрица, каждая ячейка которой содержала среднеарифметическое значение по ответам на вопрос «как вы оцениваете данный звук по данной шкале?» [Журавлев 1974: 46–49].

По результатам измерений не оказалось ни одного звука, который был бы «никаким» по всем шкалам; для каждого звука нашлась шкала или шкалы, в рамках которых с ним связывался бы какой-то смысл. Из чего и был сделан основополагающий вывод, что «в случае существенного отклонения средней оценки от нейтрального деления шкалы звук (речи – С.М.) обладает фонетическим значением» [Журавлев 1974: 45].

Лично у меня связанность букв с определенными темами представлений / ощущений сомнения не вызывает. Если бы я участвовал в экспериментах Журавлева, то дал бы на вопросы о смысловой окраске букв вполне определенные ответы.

Насколько мне известно, результаты экспериментов Журавлева сомнению не подвергаются². С другой стороны, очевидно, что в психолингвистике эта проблема не популярна. Ни в русскоязычной, ни в англоязычной литературе мне не удалось найти других равноценных по уровню работ на эту тему.

Необходимо правильно оценить масштаб этой проблемы и ее место в когнитивистике. Если букве соответствует невербальный смысл, это значит, что слово соответствует сумме таких смыслов, и именно в качестве такой суммы

² С. С. Шляхова отмечает в книге «Тень смысла в звуке. Введение в русскую фоносемантику», что методика А.П. Журавлева «применялась неоднократно», «подтверждая объективность» его выводов [Шляхова 2003: 163].

оно проявляет себя как понятие; далее, из этого уже становится очевидным, как это было очевидно для древних грамматистов, что весь мир мышления, речи и письменности (про *мир вообще* мы пока здесь говорить не будем) вырастает из взаимодействия невербальных смыслов букв и из того, как сознание ими оперирует.

Я полагаю, что труды древних лингвистов и исследования Александра Журавлева не только должны быть приняты во внимание, – они могут быть развиты. Целью данной работы является создание оснований такой теории смыслопорождения, в которую идея смысла отдельной буквы и даже ее элементов была бы вписана как органичная часть.

О методологии

В качестве отправного пункта в статье используются исследования о научном мышлении, в особенности о мышлении математиков, принадлежащие Анри Пуанкаре [Пуанкаре 1983] и Жаку Адамару [Адамар 1970]. Я опираюсь также на работу гроссмейстера Давида Бронштейна о мышлении шахматистов [Бронштейн, Смолян 1977]. Эти исследования позволяют выделить в том, как происходит невербальный процесс решения творческой задачи, определенные, существенные для нашей темы, закономерности.

Смысл обращения к этому материалу состоит в том, что научное и шахматное мышление, по сути, является процессом «складывания слов» из «букв», только «словами» в данном случае выступают формулы, физические законы, математические построения и шахматные комбинации, а «буквами» – невербальные смыслы, отражающие физические, математические и шахматные идеи.

Отталкиваясь от правил «буквосложения» в этих специальных языках, и действуя по аналогии, я формирую гипотезу о правилах смыслообразования на уровне отдельных слов в «обычном» языке. Далее я экстраполирую эту гипотезу на более низкий уровень (формирование смысла буквы). И, наконец, я использую ее при исследовании смыслопорождения на уровне более высоком (уровне предложений и высказываний) и нахожу, что дополнительный логический анализ этого процесса эту гипотезу подтверждает.

Невербальные смыслы в научном мышлении

«Иметь смысл» не значит иметь такой смысл, который можно изложить словом или последовательностью слов – вербальным высказыванием. Невербальные смыслы, которые смутно ощущаются, существуют – и не только «существуют», но и составляют органичную часть психического мира каждого человека, его глубинный слой.

Про невербальные смыслы можно сказать, что они весьма прозрачны, не плотны; это некие обширные разреженные облака. Когда они соединяются, последовательно, с несколькими такими же, то зона их пересечения – тоже представляющая собой некое облако – становится как бы тяжелее, темнее и плотнее; в ней начинает *созревать* вербальное проявление. И, в некий момент, это результирующее облако разрешается в слово, понятие. Или, например, в формулу. Смысл, благодаря своему уплотнению, переходит в состояние другого типа.

Этот процесс хорошо описан в литературе о мышлении ученых, в особенности математиков [Адамар 1970: 16–82; Пуанкаре 1983: 309–320].

Допустим, некоторая проблема с ходу не решается; начинается период медитации над ней, который проходит в значительной мере бессознательно; он может продолжаться многие дни, недели, месяцы; и вдруг, иногда в совершенно не подходящий момент, приходит решение, которое часто бывает не из тех областей, которые рассматривались на предварительном этапе. Оно приходит внезапно, как откровение, как инсайт.

Если же рассмотреть этот момент манифестации решения более подробно, в замедленном темпе и «под лупой», то бывает так: сначала возникает ощущение присутствия решения, но оно (решение) не выражено ни в каких общепитаемых формах (а таковыми могут быть физические или химические формулы, геометрические построения и т. п.). Это решение может смутно видаться интроспективно, как совокупность каких-то *светов*, или слышаться как звуки, – в общем, восприниматься невербально, – в какой-то модальности, более всего подходящей данному индивидууму. Ученые часто свидетельствуют, что они сталкиваются с проблемой перевода этих образов на общедоступный язык слов и формул.

Жак Адамар³ писал, что в процессе обдумывания он пользуется, в качестве представителей смыслов, «какими-то пятнами неопределенной формы» и видит «не собственно формулу, а место, которое она бы занимала, если бы ее написали: нечто вроде ленты, более широкой или более темной в местах, соответствующих членам, которые могут оказаться существенными», или же «нечто вроде формулы, прочесть, которую, однако, невозможно». [Адамар 1970: 72–75].

В своей известной книге о математическом творчестве Адамар приводит, в частности, мнение Альберта Эйнштейна:

«Слова, написанные или произнесенные, не играют, видимо, не малейшей роли в механизме моего мышления. Психическими элементами мышления являются некоторые, более или менее ясные, знаки или образы, которые могут быть «по желанию» воспроизведены и скомбинированы... [Они бывают] обычно визуального или, изредка, двигательного типа... Слова или другие условные знаки приходится подыскивать (с трудом)» [Адамар 1970: 80]

Мы располагаем также свидетельствами крупных шахматистов о том, как процесс генерации решения происходит в этой области. Например, Давид Бронштейн⁴, известный гроссмейстер, формулирует это так:

«Носителем смысла в шахматном мышлении являются трансформированные, существующие только в воображении, «виртуальные» образы реальной ситуации, порождаемые процессом, в котором зри-

³ Жак Адамар (1865 – 1963) – французский математик, автор многих фундаментальных трудов. Известен также книгой «Исследование психологии процесса изобретения в области математики», которую мы здесь цитируем.

⁴ Давид Бронштейн (1924 – 2006) – в 40–50-х годах XX века один из сильнейших шахматистов мира, участник матча на первенство мира с Михаилом Ботвинником (1951). Матч завершился ничью, и Ботвинник сохранил звание чемпиона.

тельное восприятие, память и мышление слиты воедино... Образ – необходимая поддержка для мысли. Творческое мышление охотно использует гибкие и нестандартизированные системы образов, этот свой внутренний опорный язык, глубоко индивидуализированный... Действительно талантливого шахматиста отличает прежде всего умение оперировать этим одному ему доступным языком образов» [Бронштейн, Смолян 1977: 50–51].

Мы можем констатировать, что в истоке творческого мышления лежат совокупности невербальных смыслов; все дальнейшие результаты порождаются процессами, происходящими внутри этих совокупностей.

Принцип общности в смыслосложении

В конце концов, решение научной или шахматной проблемы находится. Критическим моментом становится ощущение сложившейся связи: все кубики притянулись к тем, с которыми они должны соединиться, чтобы образовалась цепочка; а те, которые не нужны в этой цепочке (лишние) – выброшены. Это ощущение возникает еще на стадии неопределенных образов. Адамар пишет: «этот механизм [мышления] не раскрывает мне ни одного звена в цепи рассуждения, но он мне напоминает о том, как эти звенья должны быть соединены... [Он] необходим для того, чтобы единым взглядом охватить все элементы рассуждения» [Адамар 1970: 74].

Пуанкаре вспоминает об одном эпизоде своей биографии, когда в течение двух недель он безуспешно бился над некоторой проблемой. «Однажды вечером, – пишет он, – я выпил, вопреки своему обыкновению, чашку черного кофе; я не мог заснуть; идеи возникали во множестве; мне казалось, что я чувствую, как они сталкиваются между собой, пока, наконец, две из них, *как бы сцепившись друг с другом* (выделено мной – С. М.), не образовали устойчивого соединения. Наутро я установил существование [определенного] класса функций Фукса... мне оставалось лишь сформулировать результаты, что отняло у меня всего несколько часов.» [Пуанкаре 1983: 312]

Наконец, тот же Пуанкаре делает завершающий шаг в описании процесса латентного, до-вербального мышления: «В чем, в самом деле, состоит математическое творчество?.. В математике фактами, заслуживающими изучения, являются те, которые, ввиду их сходства с другими фактами, способны привести нас к открытию какого-нибудь математического закона. Это именно те факты, которые *обнаруживают родство* (выделено мной – С. М.), между другими фактами, известными с давних пор, но ошибочно считавшимися чуждыми друг другу.» [Пуанкаре 1983: 312]

Иными словами, цепочка смыслов должна сложиться на *основе родственностей (подобий)*; а в основе подобий, добавим мы уже от себя, лежат *общие смысловые участки*. Если что-то подобно другому, то это значит, что у этих двух вещей есть что-то общее: это очевидно. Что касается науки, открытие происходит, когда эти общие смысловые участки находят друг друга (рис. 1).

Рис. 1. Визуализация идеи

На рисунке мы видим попытку визуализации идеи «общих элементов» невербальных смысловых структур. Невербальные структуры – это набор деталей. Чтобы из них могла быть собрана работающая машина, они должны соединиться теми частями, которые подходят друг другу. Сознание находит детали, в которых есть части, подходящие друг другу, и соединяет эти детали. Чтобы машина заработала, в этой сборке должно быть определенное необходимое количество деталей, и все они должны занять свои места, в правильной последовательности, без пропусков. Так в сознании физика или математика проявляется нужная формула. И таким же образом в сознании каждого человека образуется слово / понятие.

Это ключевой момент. Что создает связность в мышлении? Общности в его элементах. Они позволяют смыслам более низкого (глубинного) уровня соединиться / сложиться в смысл уровня более высокого (в том числе, преодолеть порог вербальности: образовать слово / формулу / понятие).

Смыслогенез на уровне слова и буквы

Есть все основания полагать, что процесс складывания смысла слова из смыслов букв проходит точно так же, как и латентный процесс решения научной задачи, поскольку он относится к тому же классу – классу взаимодействия невербальных сущностей в сознании. Очевидно, что и в науке, и в шахматах тоже имеет место образование «слов из букв» и понятий из допонятийных смыслов, с той разницей, что эти слова и понятия принадлежат их специфическим языкам. Момент научного или шахматного инсайта, когда в сознании высвечивается концепт, является полным аналогом того момента в бытовом мышлении, когда из невербальных составляющих проявляется слово. Это значит, что буквы соединяются общими участками своих смысловых полей, и на каком-то этапе – этапе образования слова – в «смысловой материи» образующейся цепочки происходит качественный скачок: в сознании высвечивается *понятие*.

Это – *второй порог смыслогенеза*: образование слова из букв, понятия из допонятийных смыслов. А какой же *первый*? Образование буквы из графических протоэлементов и смысла буквы из протосмыслов.

А существуют ли они, эти протоэлементы и протосмыслы?

Буква явно не есть что-то бесструктурное, она есть сущность составная. Это очевидно: достаточно посмотреть на знаки любого древнего алфавита, –

они образованы отдельными прямыми и кривыми линиями. Позвольте предложить небольшой эксперимент. Возьмите чистый лист бумаги и начертите на нем какой-то элементарный знак, – допустим, косую черту из положения «внизу слева» в положение «вверху справа»; и сразу же, не вдаваясь ни в какую рефлексию, прислушайтесь к внутреннему ощущению этой черты, которое у вас возникнет. Потом начертите что-то еще, например, черту горизонтальную прямую или горизонтальную волнистую. Все эти знаки несут какое-то послание, какой-то смысл. Мы не можем его ухватить, поскольку для этого не существует никаких слов (и не может быть по определению), но мы можем сказать, что он *есть*, и он разный. Собственно, на фоне того обстоятельства, что он *разный*, его существование фиксируется особенно отчетливо.

Распространяя общую логику предыдущего изложения на уровень глубже букв, мы можем предположить, что и здесь действует тот же механизм: смысловые поля протоэлементов-атомов «цепляются» друг за друга общим участием, образуя молекулу-букву, причем «работающей» частью в этой молекуле является этот общий участок; остальные же части смысловых полей просто перестают иметь значение и из дальнейшего процесса выпадают.

К истории вопроса

Конечно, мне известна точка зрения Фердинанда де Соссюра, согласно которой «языковой знак произволен» [Де Соссюр 1977: 100] и ни с каким референтом в виде некоего смысла не связан. Понятен и его аргумент, состоящий в том, что, если бы это было не так, различия языков просто бы не существовало и каждому объекту всегда соответствовало бы одно и то же слово.

Действительно, казалось бы, что, если в человеческом сознании определенным речевым звукам и графемам соответствовали бы определенные смыслы, то, скорее всего, для обозначения одних и тех же объектов всегда и везде законосообразно подбиралась бы определенная их последовательность. Проблема состоит, однако, в том, что ни исходный набор невербальных смыслов (первичная «нарезка» семантического поля), ни связь между таковыми и их отображением в звуке или на письме совершенно не обязаны быть единообразными по всему земному шару; устройство психолингвистического аппарата у разных народов и в разных местах планеты может различаться. Во всяком случае, обратного пока еще никто не доказал.

Стоит обратить внимание на замечание Ф. де Соссюра о том, что «принцип произвольности знака никем не оспаривается» [Соссюр 1977: 101]. Этой ремаркой одним росчерком пера была выведена за скобки целая философская и научная традиция, – как будто ее никогда и не существовало.

История возникновения алфавитных письменностей обычно описывается как процедура преобразования пиктограмм в графему: графема связана с пиктограммой объекта, называемого словом, начинающимся с соответствующего графеме звука (рис. 2. А). Подходу, излагаемому в данной работе, согласно которому идея / невербальный смысл могут выступать как общая основа различных ментальных объектов, связанных с формированием языка (рис. 2. Б), это объяснение не противоречит.

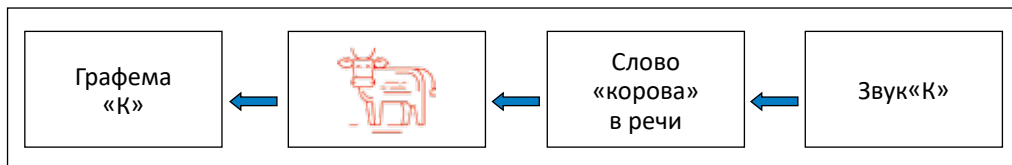

Рис. 2. А. Общепринятое объяснение происхождения алфавитов. Условная графема «К», в теории и исторически, связана с пиктограммой объекта, называемого словом, начинающимся со звука «К».

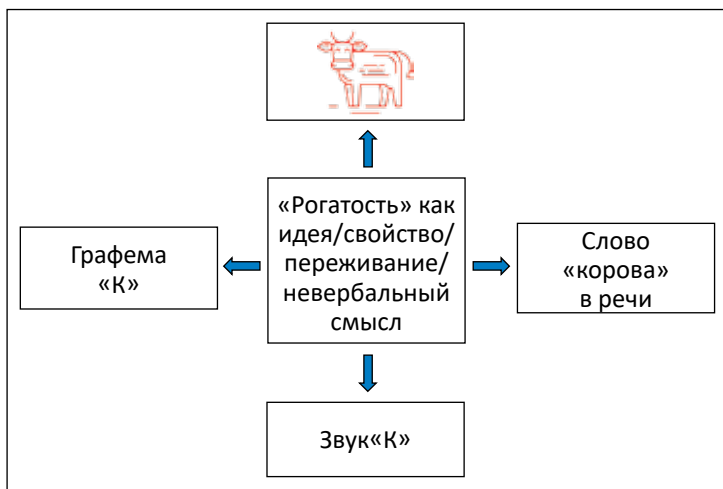

Рис. 2. Б. Идея / невербальный смысл как общая основа различных ментальных объектов, связанных с формированием языка

Принцип смыслогенеза

Попробуем теперь, отталкиваясь от логики взаимодействия невербальных смыслов, сформулировать тезис об общем принципе смыслогенеза, включая, разумеется, и его «работу» в наиболее близкой нам для понимания зоне – вербальной. То есть, за *третьим порогом* смыслогенеза: в том смысловом пространстве, где из слов образуются предложения и высказывания любой длины.

Если есть смысл, содержащий множество субэлементов [A, F, H, N], и смысл, содержащий множество субэлементов [E, R, V, F], они могут соединиться через общий субэлемент F, составляющий зону их пересечения. Наличие этой общности – это ключевой момент в смыслогенезе: именно она обеспечивает связность мысли, а без связности ни о каком мышлении и речи не приходится и говорить. «Его речь была бессвязна», и – это худшее, что можно сказать о некотором высказывании. Благодаря общностям происходит синтез элементов мышления.

Указанный смысл F, выступающий далее как самостоятельное образование, является смыслом более конкретным (можно сказать также – более узким или более точным). Он представляет собой некоторое смысловое поле, содержащее в себе, в свою очередь, ряд элементов и возможностей для дальнейшего взаимодействия.

Допустим, возьмем высказывание «я пойду на реку». Как формируется его смысл?

Концепт «Я» латентно содержит в себе бесчисленное множество конкретизаций, касающихся свойств этого «Я», а также его возможных действий. В том числе, он содержит, в потенциале, элемент «я пойду». Со своей стороны, концепт «идти» потенциально содержит множество смыслов, связанных с субъектом этого передвижения, конкретным действием, подразумеваемым под данным передвижением, и многочисленными прочими обстоятельствами, в том числе временем. Например, смысловая линия «экономика пошла в гору» является одним из вариантов, латентно / потенциально содержащихся в этом концепте. Но, среди всех прочих вариантов, имя которым легион, концепт «идти» содержит и сегмент / опцию «я пойду». Именно посредством этой опции он и соединяется с концептом «Я», который тоже содержит такую опцию.

После того, как эти два концепта провзаимодействовали (соединились), в дальнейшем смыслогенезе участвует уже только этот общий участок их смысловых полей. Вместе с тем, рассматриваемое высказывание (которое выглядит теперь как «я пойду») уже приобретает зачатки какого-то внятного, конкретного и практически пригодного смыслового содержания.

При этом, возникшее общее смысловое поле несравненно *уже* смыслового поля каждого из провзаимодействовавших элементов. Большие части площадей этих исходных полей отпадают – выключаются из дальнейшего процесса, поскольку эти части «не монтируются» с элементом-контрагентом, они не могут стать сторонами синтеза.

То же самое происходит дальше. Среди всевозможных продолжений смысловой линии «я пойду» (в том числе, например, «я пойду в магазин», «я пойду в инженеры», «я пойду замуж»), при взаимодействии с концептом «река», выбирается вариант «я пойду на реку»; тем самым происходит очередное ограничение смыслового поля. Это происходит благодаря соединению с концептом «река», который, естественно, в этом процессе тоже претерпевает ограничение / сужение своего смыслового поля (рис. 3).

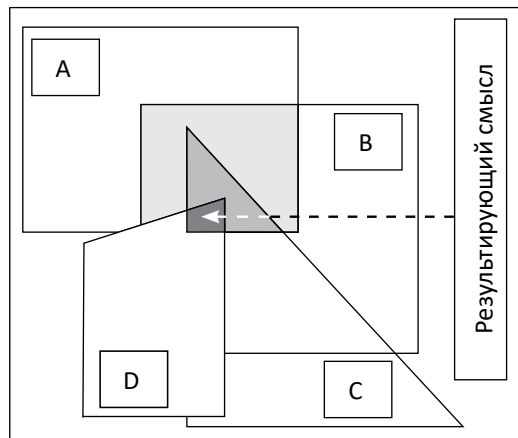

Рис. 3. Связное высказывание в смысловом пространстве. А, В, С, D – смысловые поля слов (или любых других единиц мышления) в их фактическом порядке; они накладываются друг на друга общими частями; потемнение цвета результирующего участка отражает конкретизацию высказывания. Очевидно, что по мере добавления элементов общее (результирующее) смысловое поле сужается, а смысл уточняется.

При формировании рассуждения / высказывания эта операция повторяется пошагово, множество раз. И она будет повторяться столько раз, сколько нужно, чтобы состоялось связное высказывание любой длины – речь, книга, диссертация.

Таким образом, на роль гипотетического общего принципа смыслогенеза здесь выдвигается *принцип редукции смыслового поля*. Он распространяется как на вербальную, так и на довербальную области сознания, и состоит в следующем:

1) смысловая цепочка обретает связность, когда смыслы соединяются через посредство общих участков; при этом 2) образующиеся, в пределах этих участков, смыслы становятся точнее и конкретнее, можно сказать «информативнее», а смысловое поле сужается; и 3) эти условия и следствия смыслогенеза реализуются на любом уровне, начиная от образования буквы до образования текста любой длины.

Литература

- Адамар 1970 – Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики. Москва: Советское радио, 1970.
- Бронштейн, Смолян 1977 – Бронштейн Д. И., Смолян Г. Л. Прекрасный и яростный мир. Москва: Знание, 1977.
- Бурмистров 2013 – Бурмистров К. Ю. Еврейская философия и каббала. История, проблемы, влияния. Москва: ИФРАН, 2013.
- Журавлев 1974 – Журавлев А. П. Фонетическое значение. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1974.
- Журавлев 1991 – Журавлев А. П. Звук и смысл. Москва: Просвещение, 1991.
- Иванов 2014 – Иванов В. П. «Атомизм» в звуковых построениях индийской тантры // Вопросы философии. 2014. № 6. С. 132-141.
- Исаева 1996 – Исаева Н. В. Слово, творящее мир. Москва: Ладомир; Институт востоковедения РАН, 1996.
- Корбен 2013 – Корбен А. История исламской философии. Москва: Академический Проект; ООО «Садр», 2013.
- Пуанкаре 1983 – Пуанкаре А. О науке. Москва: Наука, 1983.
- Соссюр 1977 – Соссюр Ф. де Труды по языкознанию. Москва: Прогресс, 1977.
- Шляхова 2003 – Шляхова С. С. Тень смысла в звуке. Введение в русскую фоносемантику. Пермь: ПГПУ, 2003.
- Sviri 2002 – Sviri S. Words of power and the power of words: mystical linguistics in the works of Al Hakim Al Tirmidhi // Jerusalem Studies in Arabic and Islam. 2002. №27. P. 204–244.

References

- Bronshstein, Smolyan 1977 – Bronshstein D.I., Smolyan G.L. The Beautiful and Furious World. Moscow: Znanie, 1977. In Russian.
- Burmistrov 2013 – Burmistrov K.Y. Jewish Philosophy and Cabbalah. History, Problems, Influences. Moscow: IFRAN, 2013. In Russian.
- Hadamard 1970 – Hadamard J. The Research of the Process of Invention in the Field of Mathematics. Moscow: Sovetskoe Radio, 1970. In Russian.

- Ivanov 2014 – Ivanov V.P. «Atomism» in the Sound Formations of Indian Tantra // *Voprosy filosofii*. 2014. № 6. S. 132-141. In Russian.
- Isaeva 1996 – Isaeva N.V. *The World-Creating Word*. Moscow: Lodomir; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 1996. In Russian.
- Corbin 2013 – Corbin H. *The History of Islamic Philosophy*. Moscow: Akademicheskij Proekt; OOO «Sadra», 2013. In Russian.
- Poincaré 1983 – Poincaré. *On the Science*. Moscow.: Nauka, 1983. In Russian.
- Shlyahova 2003 – Shlyahova S.S. *The Shadow of Meaning in Sound. The Introduction into the Russian Phonosemantics*. Perm': PGPU. 2003. In Russian.
- Saussure 1977 – Saussure F. de *The Works in Linguistics*. Moscow: Progress, 1977. In Russian.
- Sviri 2002 – Sviri S. *Words of power and the power of words: mystical linguistics in the works of Al Hakim Al Tirmidhi* // *Jerusalem Studies in Arabic and Islam*. 2002. № 27. P. 204-244.
- Zhuravlev 1974 – Zhuravlev A.P. *The Phonetic Meaning*. Leningrad: Leningrad University, 1974. In Russian.
- Zhuravlev 1991 – Zhuravlev A.P. *Sound and Meaning*. Moscow: Prosveshchenie, 1991. In Russian.